

В Е Р А
Калачкава

Мы ж ей не чужие,
мы родня

Я вас
люблю
терпите!

Вера Александровна Колочкова

Я вас люблю – терпите!

Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35512005
Я вас люблю – терпите!: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095325-7

Аннотация

Каким только техникам любви не учат в наше время! А искусству любить своих детей – нет... Катя Русанова и ее сестра Милка испытали «нежность» матери на собственной шкуре. Мама-монстр, мама-танк, мама-чиновник железной рукой руководила жизнью семьи. Все выдержала. Все снесла на своих сильных плечах. Но вот перед обвинением, что никого из родных она не любит, сломалась. Да разве может не любить она, только что с размахом сыгравшая свадьбу старшей дочери и удачно пристроившая на работу младшую, бывшую студентку?! Да дети и муж ей руки должны целовать! А они обвиняют...

Вера Колочкова

Я вас люблю – терпите!

© Колочкова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Надо же – опять этот ненавистный сон. И ладно, если бы страшилка привиделась, куда ни шло. Страшилка – это нормально, там образы всякие есть, яркие, сочные, их с пользой для себя можно расшифровать. А безобразия, что она видит, и сном не назовешь. Это скорее отдельное состояние организма, не имеющее специального определения. Не сон, не дремота, не забытье, а вялые бессюжетные танцы обнаглевших комплексов. Днем их не замечаешь, а ночью они тут как тут. И фон у этого состояния тревожно-серый. Зато в движении. Огромная такая серая тень формируется, то ближе подходит, то вдруг отдаляется, а потом раз! – и начинают выплывать из тени лица, как самостоятельные персонажи, – то мамино сердитое, с поджатыми губами, то Сонькино слегка презрительное, то лицо очередного несостоявшегося работодателя промелькнет. И она среди этих лиц – неприкаянно отстраненная. Всем улыбается виновато, пытается что-то объяснить... Страстно пытается, всякие нужные слова под-

бирает. А они никак не подбираются. Лица-персонажи смотрят, ждут, а она лишь мычит да машет руками, пытаясь отбиться от вязкой воспаленной тревоги, которая змеей выползает из подсознания и сжимает в кольцо плечи, шею, ползет холодом по позвоночнику. И хочется крикнуть что-нибудь веское, значительное, вроде того: изыди, проклятая тревога, не виноватая я! Не надо так явно себя демонстрировать, я и без того знаю, что ты есть! Мало того, я даже знаю, как с тобою бороться. По крайней мере, теоретически знаю. Но не могу, не могу...

– Кать... Катька! Да проснись ты, господи!

Катя открыла глаза, и Сонькино лицо предстало перед ней живую – встревоженное, слегка припухшее, с размазанной под глазами тушью. Совсем не презрительное, как привидевшееся сонное лицо-персонаж. И впрямь, с чего это оно должно быть презрительным? Иль таки в самом деле презирает ее подруга Сонька? Тайно, подсознательно? А что, зря же не приснится...

– Катък, ты так мычала во сне! Прямо это, болезненно...

– Мычала?

– Ну да... А еще стонала и хныкала. Ужас, как жалостливо. Я решила разбудить тебя на всякий случай. Что, кошмар приснился?

– Ага, кошмар... – садясь на постели, хрипло произнесла Катя, откидывая назад спутавшиеся пряди волос.

– А что тебе снилось?

– Да ты знаешь, ничего особенного... В смысле, ничего страшного. Так, фигня какая-то.

– А почему ты хныкала, стонала и мычала?

– Не знаю... Сонь, а ты правда не сердишься, что я у тебя на халяву живу?

– Да иди ты знаешь куда!

Сонька яростно запахла на своей точеной фигурке халатик-кимоно и решительно отвернулась, демонстрируя наполовину прикрытую шелковой тканью халатика умопомрачительной красоты задницу. Потом, передумав, с яростью развернулась обратно к Кате и с полминуты глядела на нее задумчиво. А наглядевшись, произнесла с нарочитыми нотками убийственного ханжества в голосе:

– Тебя что, серьезно вопрос халявы мучает? Хочешь об этом поговорить?

Девушки расхохотались так слаженно, в такой унисон, будто кто невидимый им отмашку дал. Вот за это Катя и любила Соньку – за ее способность любую проблему превращать в хохму. Ни в чем не терпела Сонька натужной серьезности, характер у нее был такой. Все семинары на их факультете под названием «психология менеджмента персонала» превращались в балаган, стоило преподавателю подняться с места Соньку. Хотя на семинарах с хохмами не особенно разбежишься. Учебный процесс все-таки, святое дело. Да и экзамен потом сдавать все равно придется. Зато на практических занятиях по проведению тренингов Сонька позволя-

ла себе от души повеселиться! Изгалялась как могла, низводя «святое дело» к фарсу и тем самым всячески демонстрируя презрение к предмету. А заодно и к науке психологии как таковой. Ну, может, не совсем к науке, а к ее преподаванию в их дорогом (в прямом смысле этого слова) учебном заведении, которое, по мнению Соньки, было очень уж нелегально сомнительным и действующим по принципу «плати много – учись легко». Даже к результату своего четырехгодичного платного обучения, то есть к синенькой корочке диплома, Сонька отнеслась пренебрежительно – в строке «специальность» после слова «психолог» приписала через запятую карандашиком «...мать твою». А на законный Катин вопрос – зачем тогда училась? – ответила серьезно и односложно: жизнь длинная, пригодится.

Один бог знает, как они сумели сойтись в дружбе – порядочная серьезная девушка Катя Русанова и легкомысленная побрякушка Сонька Белоус. На примере их дружбы, наверное, можно целую диссертацию написать о проблемах и странностях коммуникативных составляющих в социуме. И сделать выводы. Что, к примеру, Кате Русановой дала собственная серьезность и порядочность? Да ничего! Училась она в отличие от побрякушки Соньки достаточно прилежно, а толку? Все равно работу как новоявленный дипломированный специалист-психолог по менеджменту персонала до сих пор не нашла. Где ж ее найдешь, эту работу? Можно подумать, работодатели в очередь стоят, чтобы умный спе-

циалист пришел и их персонал по всем статьям отмотивировал и отмодулировал заодно. Но все равно искать надо. Только жить негде. Из общежития-то ее после окончания учебы, естественно, выпихнули. Можно было, конечно, домой, в родной захолустный городок вернуться, но такой вариант Катя для себя даже не рассматривала. Вернее, рассматривала, но как самый последний, практически неприемлемый. Во-первых, там-то она уж точно по приобретенной в платных муках специальности никогда не устроится. А во-вторых, домой – это же значит под крыло к маме... Нет, нет, только не это! Лучше уж так, на халяву у Соньки. А к маме – упаси бог...

А вот Соньке ее легкомыслие принесло довольно ощутимые жизненные плоды. По крайней мере, последние лет пять точно приносит. Видимо, так уж звезды сошлись над ее девчачьей судьбой, начавшей свое течение в маленьком приморском поселке, куда занесло на отдых большого чиновника из их северного областного города. Какие-то грязи были особенные лечебные в санатории при Сонькином поселке, что ли, которые ему жизненно стали необходимы... В общем, случилось так, что чиновник прикипел к малолетней тогда еще Соньке всем сердцем, организмом и кошельком. Так прикипел, что с собой привез. Снял квартиру, обеспечил неплохое содержание, честно выучил Соньку на их дорогом факультете «психологии менеджмента». В общем, хороший оказался папик. Добропорядочный. Даже обещал квартиру

купить.

Сонька этой привязанностью очень дорожила. И в непрезентабельное понятие «содержанка» вкладывала свой, особенный, уважительный смысл, суть которого сводилась к одному – просто повезло. Другим не повезло, а ей повезло! И никто и никогда не сумел бы убедить ее в обратном. А если бы попытался, то Сонька быстренько бы отправила того убеждающего в далекое путешествие. Нет, не в пошло-эротическое, отнюдь. В другое. В тот самый приморский городок, где в служебной однокомнатной квартирке при санатории уютилась ее семья – мать, бабушка и двое младших братьев. И где из всех возможных перспектив работы и зарплаты ждала ее одна-единственная перспектива – место какой-нибудь санитарки в их захудалом санатории с теми самыми лечебными грязями, которые когда-то так удачно приманили папика. Хотя, может, вскорости и такой перспективы уже бы не оказалось. Мать недавно звонила – жаловалась, закрывают санаторий. А ее грозятся из служебной квартиры выселить. То есть обвиняком намекала – не пора ли тебе, доченька, и с нами поделиться халявным своим «содержанием»?

Надо сказать, что свое «содержание» Сонька отрабатывала классически честно, в некотором смысле даже истово. Блюла свое тело в красоте и ухоженности, ловко и быстро умудрялась во время визита благодетеля создать «атмосферу», то есть насобачилась, как хамелеон, подпадать под все его настроения. Хочешь игривости – пожалуйста. Хочешь

выговориться – я вся во внимании. Хочешь «по-быстрому» – даже за унижение не приму. Вот она я, вся здесь и вся ваша, дорогой папик. Зато, мол, никаких неясностей меж нами нет, все до предела прозрачно. Улыбка для тебя – самая что ни на есть искренняя, взгляд – влюбленный, восторженный и благодарный. Иногда ей даже казалось, что она и в самом деле его немного любит...

Неизвестно, по какой такой причине, но Сонькин благодетель никогда не сваливался с визитом как снег на голову. Может, просто не ревнив был. Деликатно звонил на мобильный – Софочка, дорогая, я буду примерно через часик. Эта его деликатность и позволила «дорогой Софочке» тайно приютить на оплачиваемой благодетелем жилплощади несчастную подругу-однокашницу. То бишь ее, Катю Русанову. А что? Целый час форы – этого вполне достаточно, чтобы убрать с территории «содержания» все признаки посторонней личности и самой посторонней личности вовремя смыться. Делов-то. Правда, здесь были свои неловкие для бедной Кати нюансы. Потому что хорошо, когда папик навещался к любовнице днем. Или вечером. А если, допустим, ближе к ночи? А бывало, и на всю ночь оставался? Тут уж ничего не попишешь – пожалте, уважаемая посторонняя личность Катя Русанова, на вокзал. И это еще благо, что он недалеко. Сидите и ждите, когда подруга Софочка отмашку даст – территория освободилась. Вот и эту половину ночи ей пришлось провести на вокзале. Только в пять утра удалось

завалиться на половину широкой двуспальной кровати, которая еще и остыть от благодетеля не успела.

– Соньк... А который час? – потянувшись, спросила Катя и, откинув от себя одеяло, спустила ноги на пол.

– А я знаю? Сама только-только от твоего мычания проснулась. О! – тут же округлила Сонька глаза, глянув на циферблат стильных часиков, оставленных на прикроватной тумбочке, – представляешь, уже два часа! Классно мы дрыхнули!

– Как – два? Ты что? У меня же на два собеседование было назначено! – всполошилась Катя, по-бабьи хлопнув себя по бедрам.

– Да ладно, собеседование у нее... Все равно толку от этих собеседований никакого. Ходишь, ходишь как заведенная...

– Сонь, а что мне еще делать? Я ж не виновата, что никто меня не берет. Живу и живу тут у тебя, на хлебах...

– Ой, Катька, не начинай!

– Нет, и впрямь, Соньк... Что делать-то?

– Что делать? Не знаю я, что делать. Давай для начала умоемся и кофе испьем. И съедим чего-нибудь. Я вчера Алику мясо готовила, там осталось, по-моему.

– А что, у Алика аппетит пропал?

– Ладно, не хамя.

– Да я не хамлю... Слушай, а он у тебя кто вообще?

– В смысле? – подняла удивленно бровь Сонька, насмешливо глянув на Катю.

– Да в смысле имени. Алик – это Александр, да? А может, Алексей?

– А я знаю? Сказал – Алик, значит, Алик. Мне его паспортные данные ни к чему.

– И что, за все эти годы тебе ни разу не захотелось узнать...

– Да бог с тобой, родная. На фига мне, сама подумай.

– Но как же... Неужели тебе не интересно?

– И что мне должно быть интересно?

– Ну, например, женат ли он...

– Ха! А ты сама-то как думаешь? Женат, конечно. И семью свою никогда, между прочим, со мной не обсуждает. Он мужик порядочный.

– А дети у него есть?

– Есть. Трое. И вроде как четвертый на подходе.

– А ты откуда знаешь, если он с тобой ничего такого не обсуждает?

– Да я и не знаю. Догадываюсь просто. Слишком уж часто навещать ко мне стал. Жену бережет. Говорю же – порядочный...

– А о чем вы с ним вообще разговариваете? Или вообще не разговариваете? Пришел, молча мяса поел и сразу в койку?

– Ну почему... Он любит иногда посидеть, пофилософствовать... Или про свои министерские интриги порассказать. Ты знаешь, мне иногда кажется, я весь аппарат его ми-

нистерства наперечет знаю – кто дурак, кто умный, кто сильно блатной... Между прочим, он обещал меня к себе на работу пристроить! А что? Диплом у меня теперь есть, дорога для карьерного роста открыта!

– Ух ты, здорово...

– А то! Здорово, конечно. – кивнула деловито Сонька и вдруг, прищурившись, пристально посмотрела на Катю. – Слушай, а чего это ты вдруг моей интимной жизнью заинтересовалась? Тоже хочешь в содержанки податься? Завидно, да?

– Нет, нет, что ты...

Катя так испуганно замахала на Соньку руками, будто перспектива пойти на содержание и впрямь должна была открыться перед ней незамедлительно. Не укрылся этот открытый испуг и от Соньки. Обиженно сузив глаза, она совсем было собралась выпалить всю правду о своем отношении к Алику и своей при нем роли, да в последний момент передумала. Ухмыльнувшись, окинула подругу быстрым пристальным взглядом, цокнула языком и произнесла медленно, даже с некоторым удовольствием:

– Да ладно, не маши ручонками-то... Тебе в содержанки дорога вообще заказана. И не потому, что шибко честная, а потому, что все равно фейсконтроль не пройдешь.

– В каком это смысле? – моргнула от неожиданности Катя.

– А в таком! Сейчас, когда умываться пойдешь, в зеркало на себя внимательнее посмотри!

– Сонь... Ты чего? – тихо протянула Катя.

И сама почувствовала, какими нерешительными получились и жест, и голос. Виноватыми будто. Хотя – отчего ж виноватыми-то? Все вроде наоборот, это Сонька на нее наезжает, а не она на нее.

– Да ладно, прости... – махнула рукой Сонька слегка раздраженно. – Хотя... И в самом деле, посмотри, посмотри на себя! Вот скажи – когда ты в последний раз у косметолога была?

– Да я сроду ни к каким косметологам не ходила, ты что!

– Вот и зря, что не ходила. Посмотри, как у тебя рожа запущена! Кожа жирная, прыщи на лбу, как у малолетки какой. А фигура? Ну скажи, как можно жить с такой фигурой? Ты когда у себя талию в последний раз находила?

– Да я... Я просто по природе полная, в маму...

– Ну не знаю... Может, маме твоей и полагается к возрасту заслуженный целлюлит иметь, а тебе зачем? Что, лень в тренажерке недельку попахать, да?

– Сонь, очнись, какая тренажерка! Где бы я денег нашла на все эти удовольствия! Ты же знаешь, как мы с девчонками в общежитии жили, как на одних макаронах целыми днями сидели... И за учебу надо было платить... Мне мать денег тик-в-тик выдавала, за каждую копейку отчета требовала. Ты что, Сонь! Взяла, наехала ни с того ни с сего...

Произнеся все это на одном дыхании, Катя быстро вдохнула в себя воздух, и горло вдруг непроизвольно выдало

звук, похожий на всхлип. Нет, вовсе не собиралась она плакать! Еще чего, из-за Соньки плакать. Успела уже привыкнуть к переменчивости ее нрава, знает, что никакого серьезного злопыхательства за ним не стоит.

Сонькину горячность, однако, этот ее произвольный всхлип остудил довольно быстро. Подскочив к Кате, Сонька испуганно заморгала, возложив ладошку на трогательно выпирающую ключицу, начала виновато рыскать глазами по лицу подруги. И тут же вздохнула с облегчением, не узрев на нем следов обиженной слезливости.

– Слушай, и правда... Чего я на тебя вдруг наехала? Это у меня, наверное, наследственное... Мамка моя, помню, пока с соседкой с утра не насобачится, ни за что на работу не пойдет. И я такая же! Свинья, говорят, бобра не родит...

– Ну что ж, хоть какая-то от меня в доме польза! – грустно усмехнулась Катя. – Буду теперь твоим мальчиком для битья. Не переживай, я стерплю, раз такое дело... Ты первая в душ пойдешь?

– Нет, иди, я потом...

В ванной Катя, как порекомендовала в своем наследственном утреннем порыве Сонька, принялась рассматривать себя в зеркале. Хотя не любила она это дело – себя рассматривать. Зачем? Если природа красотой не наградила, тут уж ни один косметолог не поможет. Ну да, кожа жирновата, конечно. И прыщи на лбу выскочили некстати. И макияж она толком делать не умеет, да и незачем – все равно глаза под очками пря-

чутся. Правда, с волосами можно что-то приличное сотворить, волосы у нее хороши, тут уж ничего не скажешь. Может, подстричься как-нибудь по-модному? Хотя – все равно денег нет. Вот если с первой зарплаты... О, несчастная зарплата, вожденная и всеми силами души вымечтанная, появишься ли ты в моей неприкаянной жизни, черт тебя побери, хоть когда-нибудь или нет?!

От горьких мыслей о зарплате на лбу у Кати тут же взбугрились два холмика, образовав меж собой продольную складку. Ни дать ни взять мамино выражение лица получилось. Только у мамы эта складка уже в окончательную и бесповоротную морщинку превратилась. И под глазами у мамы горькие морщинки легли, и вдоль губ... Ладно, чего это она опять о маме! Надо скорее под душ прыгнуть, Сонька же там своей очереди ждет.

Стянув с себя пижаму, Катя снова невольно шагнула к зеркалу, мазохистски обзревая собственное тело. Да уж... Лучше не смотреть. Хотя... Это по сравнению с Сонькиными хрупкими косточками – лучше не смотреть. А если не сравнивать – то вполне даже ничего. И нисколько она не толстая. Просто более плотная, безо всяких там окаянных изгибов. Зачем они ей, эти соблазнительные изгибы? Она ж в содержанки не собирается...

Однако скороспелое чувство неполноценности уже поселилось где-то там, внутри. Хотя про него и не скажешь так – поселилось. Чего ему селиться, оно там давно живет. Обык-

лось, обросло привычками и живет. Конечно, с ним как-то бороться надо, да только не получается у Кати. Пробовала – не получается! Видимо, корнями проросло. Вот и сейчас, сунувшись под упругие душевые струи, она вдруг в полной мере ощутила свою неуклюжую громоздкость. Права Сонька, худеть надо. Талию определять. И чем быстрее, тем лучше. Хотя бы в этом плане попробовать ощутить свою полную ценность. Странно даже, почему она к этой проблеме относилась до сих пор пренебрежительно? Как-то не выступала на первый план эта проблема. Наверное, потому, что по сравнению с отсутствием зарплаты вкупе с жилищной неприкаянностью не была проблемой как таковой.

Натянув на себя шикарный Сонькин халат и соорудив на голове тюрбан из полотенца, Катя еще раз глянула в зеркало, но тут же и вздрогнула от быстрого стука в дверь.

– Катък, телефон! – кричала Сонька. – Давай быстрее, тебе мать звонит!

Внутри у Кати тут же все сжалось, будто пропела свой короткий сигнал труба тревоги – ту-ту-ту-у-у! Быстро открыв дверь, Катя выхватила из Сонькиных рук трезвонящий мобильник, торопливо прижала его к уху и, втянув голову в плечи, почему-то на цыпочках побежала в комнату, придерживая сваливающийся с головы тюрбан.

– Да, мам, слушаю!

Так, отлично. Голос получился бодренький, радостный такой, будто она и впрямь рада была без ума маминому звонку.

– Здравствуй, дочь. Ну, что там у тебя с работой?

Мамин голос прозвучал в трубке, как всегда, устало и немного раздраженно, будто она очень сильно хотела, чтобы все окружающие оставили ее наконец в покое.

– Да все нормально, мам! Все отлично! У меня уже есть два надежных варианта, и сегодня вот еще ходила в два учреждения, резюме оставила. И завтра пойду...

– А зачем?

– Что – зачем? – тихо опустившись на диван и поджав под себя ноги, спросила осторожно Катя.

– Ну... Зачем еще куда-то ходить, если тебя уже в двух местах берут?

– Да так, на всякий случай... Может, там денег больше пообещают...

Мать подозрительно замолчала, и Катя, прикусив губу, лихорадочно подыскивала слова, чтобы залепить ими, как пластилином, эту образовавшуюся в разговоре мучительную паузу. Иначе, не дай бог, перетечет в нее, как в дыру, все ее бодренькое вранье. А у мамы на вранье слух особенный, как у талантливого музыканта на фальшивую ноту.

– Нет, правда, мам! Если уж есть возможность выбора, надо же им воспользоваться! Лишние деньги не помешают, надо же будет квартиру снимать, сама понимаешь!

– А что, из общежития уже гонят? Я так поняла, что ты до первого сентября с администрацией договорилась?

– Ну да, до первого сентября. У нас заведующая общежи-

тием, знаешь, славная такая тетка... Живи, говорит, Катюша, пока новые студенты не приехали. Так что все в порядке, мам.

– А как ты питаешься? Может, тебе овощей привезти? В огороде вон огурцов, помидоров полно.

– Нет, мам, не надо! Не надо ничего везти!

Так, а вот тут она уже прокололась. Потому что слова отказа из нее выскочили, как истерический крик о помощи. Пришлось слегка закашляться, чтобы списать этот крик на нездоровье.

– Ты что, простужена?

– Нет, мам... Так, слегка горло побаливает...

– На ночь прими аспирин и завари липового цветку. Посмотри, он у тебя должен быть в баночке из-под чая, я привозила.

– Да, я помню. Обязательно заварю. Спасибо.

– Домой на выходные приедешь? У нас тут новостей полно.

– Каких, мам?

– Ну, не по телефону же... Давай приезжай, все узнаешь.

– Я постараюсь, мам.

– Что значит – постараюсь? Если мать говорит – приезжай, значит, надо приехать!

– Да, да, конечно...

– Ну, все тогда. Я завтра тебе снова позвоню. И с работой не раздумывай, иди туда, куда берут. Поняла?

– Хорошо, мам.

Короткие гудки отбоя зазвучали в ухе нежнейшей музыкой, и Катя без сил откинулась на спинку дивана, прикрыв глаза. Вошедшая в комнату Сонька, розовая после душа и ужасно хорошенькая, плюхнулась рядом с ней, толкнулась худеньким плечиком.

– Ну что, как прошел очередной отчет о дочерних успехах? Нормально?

– Нормально, Сонь... – вяло откликнулась Катя, не реагируя на насмешливые нотки в Сонькином голосе.

– Слушай, Катька... Вот убей меня, не понимаю – зачем ты ей врешь? Ну сказала бы все по-честному... А то наворотила – и про работу, и про общежитие! На фига?

– Не могу, Сонь. Не могу я по-честному.

– Почему?

– Объяснять долго.

– Ты что, ее боишься?

– Боюсь.

– Да почему?! Как это, родной матери – и бояться? Зачем?

– Зачем, зачем... Глупый вопрос – зачем! Тогда уж спроси – почему... Я должна ее надежды в отношении себя оправдать, понимаешь? Кровь из носу, а должна. Семья у нас не такая обеспеченная, чтобы на ветер деньги бросать. Родители за мое хоть и нелепое, но высшее образование четыре года платили. А я теперь – что? Должна расписаться в собственной никчемности? Работу, мол, не нашла, живу на

хлебах у подружки?

– Ну да. Врать, оно, конечно, лучше.

– А я и не вру... Все равно ж я ее найду когда-нибудь, эту работу! А если не найду, то вон в ларек овощной устроюсь.

– Так в ларьке и дома можно...

– Нет. Дома нельзя. Потому что мама меня там, дома, как бы это сказать... Она меня уже позиционировала, понимаешь? Как редкого и модного специалиста. Она очень, очень хотела, чтобы я высшее образование получила. Я же в школе хорошо училась, а экзамены в университет провалила.

– А почему, кстати?

– Да потому, что пятерки мои школьные... Как бы это сказать... Они у меня вымученные были, понимаешь? Мамина установка была такая – чтоб я на пятерки училась. А при такой установке количество в качество не переходит, наверное. В общем, я не знаю, как это объяснить...

– Да ладно. Поняла я. Ты просто зубрила со страху, а в голове ничего не оставалось.

– Ага... Помню, приехала домой, реву от стыда белугой! А мама меня тут же обратно и развернула – поступай, говорит, в какой угодно институт, но чтоб высшее образование у тебя было! Не важно, какое. Любое. Пусть даже самое платное. В лепешку, говорит, разобьюсь, во всем отказывать себе буду, но чтобы было, и точка!

– Ну, так ты ж таки его получила! В чем проблема-то? Езжай теперь в свой Захарьевск, Макарьевск...

– Егорьевск. Я из города Егорьевска, Сонь. Маленький такой городок, провинциально-пришибленный. Правда, мама моя там личность довольно известная.

– А кто она у тебя?

– О, по нынешним временам большой начальник! Она в управлении Роспотребнадзора уже много лет работает. Через ее руки все санитарно-эпидемиологические заключения проходят, их еще гигиеническими сертификатами называют. Важная чиновница, одним словом. Тем более сейчас, когда каждый второй торговлей занимается.

– Ха! Так при таком блажном месте она тебя в два счета на работу пристроит!

– Ну да... Может, и пристроит... А только я сама туда не хочу, понимаешь? Са-ма! Ни за что не поеду в Егорьевск! Я там не смогу, не смогу...

– Значит, хочешь лишить мать законных дивидендов?

– Не поняла... Каких дивидендов?

– Каких, каких... Заслуженно эмоциональных! Сама же говоришь, что она четыре года в тебя инвестировала!

– А, ну да... Здесь ты прямо в самую точку попала, Сонь. Если я домой вернусь, то уже точно буду по рукам и ногам этими дивидендами связана. Как ты говоришь, эмоциональными. Не вырвешься. А самое смешное, что это будет красиво называться родительской за меня гордостью. И попробуй с этой дороги свернуть! Шаг влево, шаг вправо – расстрел. А у тебя что – не так? Твой Алик разве с тебя свои дивиден-

ды не получает? Он-то уж, по-моему, стопроцентный в этом смысле инвестор...

– Э, нет, подруга! Не скажи! Не надо мешать все в общую кучу. Потому что у нас с Аликом все по-честному. Он по-честному вкладывается, я по-честному отдаю. И никаких претензий сторон не имеется. Потому что он мне – никто! Он – чужой. Ни сват, ни брат, ни отец родной. А ты свои дивиденды за что платишь? За то, что родители в твою учебу вложились? Так они ж тебе не чужие! Они вроде как своему ребенку бесплатно помогать должны, из первородных родительских чувств-с... Ну что, чуешь подмену?

– Да чую, чую... – окончательно поникнув, кивнула Катя. – Наверное, ты права, Сонь...

– Ты знаешь, Катька... Вот если бы моя мама мне могла помочь, я бы ни на минуту ни о каких дивидендах не задумалась. Потому что знаю, что она меня просто так любит. Ни за что.

– Ага. Потому и в содержанки благословила.

Черт его знает, каким образом у нее эти обидные слова вырвались! И вовсе Катя не хотела ничего такого говорить... Отплатила за Сонькину доброту, получается. Вон как она сразу напряглась, как грозовая туча. Сейчас молнией ударит. И поделом.

Сонька, однако, не торопилась ударить в нее обидой. Сидела, молчала подозрительно. Потом вдруг тихо и грустно произнесла:

– Дура ты, Кать... Причем дура – несчастная. Такая несчастная, что я и ругаться с тобой не хочу. Тоже, нашла чем попрекнуть...

– Извини, Сонь. – Катя с мольбой прижала руки к сердцу. – Я не хотела. Честное слово! Сама не знаю, как у меня...

– Да ладно. Можешь и дальше гордиться своей девичьей честностью. На здоровье. И пусть я, по-вашему, по-честному, дрянь из дряней, проститутка и содержанка, но зато я свободна по-человечески, в сто раз более свободна, чем ты. И мать моя – свободна. Потому что она меня любит по-настоящему. И всегда будет любить, что бы я с собой ни сотворила. А ты – ханжа! И мать твоя – ханжа! И не любит тебя! И ты ее не любишь! Что, разве не так? Скажи – не так? Чего молчишь?

Ну вот что, что могла Катя Соньке ответить? Да ничего не могла. Нет, можно, конечно, и возмутиться праведно, и опровергнуть всякими доводами Сонькины слова, а только зачем? Лучше уж так – отмолчаться. Потому что называть вещи своими именами стыдно. Мало того, что стыдно – смерти подобно. Права Сонька – нету в ней никакой дочерней любви. У других есть, а у нее нету, хоть тресни. Ничего нету, кроме тихого по отношению к матери раздражения. Да, именно раздражения, трусливого и мерзкого, которое шевелится внутри, как неизлечимая стыдная болезнь, и которое надо старательно прятать, запихивать каждый раз подальше. Нет, правда, – ужасно же стыдно! Как это – маму не лю-

бить? Да еще, не дай бог, в этом откровенно признаться? Нет, язык не повернется взять и бухнуть сейчас Соньке вот так, за здорово живешь, что она в этом смысле такая дефективная. Что-то вроде морального недокормыша. Лучше уж так – промолчать. Или перевести разговор на другую тему. Только надо быстро его перевести, придумать что-нибудь половчее. Например, позвать Соньку на кухню, они вроде завтракать собирались...

Однако ничего хорошего из этой попытки не вышло. Не успела Катя. Надо было сразу Соньку на кухню звать, а не отмалчиваться целую минуту. Сама виновата – проворонила, не заметила, как подкрались невзначай слезы жалости к себе, несчастной, дефективной и морально уродливой. Подкрались и ударили по глазам, и даже вздохнуть толком не получилось. Вырвался наружу горестный всхлип и затих, будто испугавшись.

– Кать... Ты чего? Ты реветь собралась, что ли? – подпрыгнув, развернулась к ней всем корпусом Сонька.

– Н-н-ет... Нет, что ты...

– О господи... Чего ты меня все время пугаешь своими всхлипами? Я что, больную тему задела, да? Ну прекрати, Кать...

– Все, все, не буду. Честное слово, не буду. По... Пойдем лучше кофе пить...

– Так и пойдем! Чего мы тут, в самом деле, обоюдный китайский психоанализ развели?

– Почему – китайский? – уже сквозь слезы смеясь, поднялась с дивана Катя.

– Да потому что мы с тобой такие же психологи, как китайский товар на рынке у вокзала! Этикетки красивые, а качество – дрянь. Дипломированные специалисты, мать твою...

– Ну, уж с вопросами менеджмента персонала я всяко-разно бы справилась, если б меня на работу взяли!

– Ага. А то без тебя никто больше не разберется, как надо с персоналом поступать. Что, завтра опять по фирмам в поход пойдешь?

– Пойду, конечно!

– Ну-ну... Давай, старайся. Слушай, у меня тут блузка такая в меру сексуальная есть, она мне велика. Надень ее завтра. Может, не так убого смотреться будешь. И косметику у тебе свою дам, прыщи замажешь. Хочешь?

– Не, Сонь, не надо...

– Да ладно, чего отказываешься! Бери! Фейс подправишь, блузку наденешь, за крутую сойдешь! А там, глядишь, и с работодателем повезет...

* * *

Зря она согласилась на Сонькину в меру сексуальную блузку. И ничего в ней сексуального не было, кроме сплошного неудобства. На груди повыше натянешь – с плеч спускается. На плечи натянешь – грудь выставляется так откровенно.

но, будто Катя на панель собралась. Хорошо еще, что пиджак догадалась с собой захватить. Смешно, конечно, в несусветную августовскую жару пиджак на себя напяливать, а что делать? Не терять же день из-за таких неудобств?

День для конца лета выдался действительно жаркий, что тоже можно по большому счету отнести к неудобствам. И откуда вдруг принесло эту несуразную жару? Август – он же довольно достойный месяц, в смысле приличной одежды. Ни маечек, ни легкомысленных юбочек уже не допускает. Тем более отсутствия колготок на ногах. А тут – здравствуйте, пожалуйста! Солнце шпарит так, что поневоле раздеться хочется. Хороша же она будет, когда предстанет перед потенциальным работодателем – в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, распаренная, с плывущим по лицу модным Сонькиным макияжем. Хотя, чего это она бежит впереди паровоза? Главное же не в том, как она выглядит, а в том, чтобы вообще, в принципе на этого потенциального работодателя набрести, хотя бы на самого завалыщенького. Сколько уже по разным конторам ходит, и никакого толку. Не понимают работодатели своего счастья, не хотят свой персонал ни правильно формировать, ни мотивировать, ни модулировать. Но – не надо отчаиваться! Может, именно сегодня и найдется какой-нибудь шибко продвинутый, который Катю осчастливит? Вернее – она его...

О, а вот в этом неказистом сером здании, наверное, точно пара контор находится. По крайней мере, вывески какие-то

на дверях присутствуют. Так, почитаем, что это... Похоже, акционерное общество. Уже хорошо. И название красивое – «Альфа-кризис». Ну что ж, попробуем соблазнить на мотивацию персонала эту самую альфу с кризисом. Где наша не пропадала.

Прошмыгнув мимо равнодушного охранника в застиранной пятнистой форме, Катя не спеша зацокала каблуками по длинному коридору, нацеливаясь на гостеприимно распахнутые в конце его тяжелые стеклянные двери. Там, скорее всего, и есть приемная этой конторы с красивым названием. Ага, таки она не ошиблась! Точно, приемная. Самая что ни на есть типовая. Все по шаблону, не хуже, чем у других. Ледяной на контрасте с душной уличной жарой кондиционированный воздух, запах кофе с коньяком, окно-жалюзи-цветочки, гордая секретарша-нимфетка притопывает шпилькой в такт незамысловатой тихой музыке, льющейся откуда-то сверху, и дверь в кабинет шефа чуть-чуть приоткрыта, и даже голос его слышен – по телефону с кем-то ругается. Строгий, видать, шеф-то. Но это ничего, что строгий. Значит, умный. Хотя и не факт...

– Здравствуйте. Вы к Денису Андреевичу? – холодно-вежливо подняла на нее свое кукольное личико нимфетка.

– Да. Я к Денису Андреевичу. Можно? – рванула было сразу к двери шефа Катя.

– Нет, погодите! Денис Андреевич пока занят, у него важный звонок! И представьтесь, пожалуйста! Вы по какому во-

просу?

– Я не по вопросу. Я с очень деловым предложением.

– Что, так и доложить? С деловым предложением? – растерянно моргнула глазками секретарша.

– Да. С очень деловым. Денис Андреевич будет в нем явно заинтересован. Так я войду? По-моему, он уже освободился...

– Но как же... Я же обязана доложить...

Растерянный девчачий голосок у Кати за спиной пискнул и затих за закрытой дверью. А вот и Денис Андреевич. Ничего себе, славный такой. Молодой, симпатичный. Это хорошо, что молодой. Значит, есть надежда, что понятие менеджмента персонала как системы его планирования, организации, мотивации и контроля его не испугают. По крайней мере, руками испуганно на Катю не замашет. А что, было и такое. Как в предыдущей конторе, например. Там лысеющий во все стороны дядька-начальник и слова не дал сказать, махнул пухлой ладошкой: что вы, говорит, милая барышня, я и словов-то таких не знаю. Так и сказал – словов...

– Здравствуйте, Денис Андреевич! – бодренько произнесла Катя, аккуратно присаживаясь за придвинутый к большому столу начальника столик поменьше, – очень приятно познакомиться! Меня зовут Екатерина Русанова, я специалист по менеджменту персонала, и у меня к вам деловое предложение! Скажите, вы довольны работой своего персонала?

О господи, кто бы только знал, как ей трудно дается вся

эта бойкая трескотня-пронырливость! Будто сама себя в спину толкает – давай, давай... А внутри все дрожит противной неловкостью. Так и задушила бы эту неловкость собственными руками, чтоб жить не мешала. Но что делать – не задушишь ее, не убьешь. Слишком уж старательно мамины педагогические постулаты в ее душе проросли – про то, что скромность девушку якобы украшает. Вот и вызрели из этих постулатов плоды – сплошная зажатость да неуверенность в себе. Хорошо, хоть научилась пронырливости из пространства прихватывать. Немного. Как бы взаймы.

Надо же, а молодой начальник на ее трескотню вроде купился! Задумался, бровки к переносью свел. Что ж, это уже хорошо. Сидит, смотрит немного рассеянно, карандашиком по столу постукивает. Сейчас главное – инициативы из рук не упустить...

– Я думаю, Денис Андреевич, вы согласитесь со мной, что многие люди ходят на работу совсем не потому, что так уж хотят работать, а по совокупности разного рода причин. Конечно, главная причина – это получение зарплаты, но согласитесь, что каждый при этом подсознательно рассчитывает на некоторую синекуру...

– Я так полагаю, это всего лишь прелюдия к вашему деловому предложению? – продолжая постукивать карандашиком по столу, тихо спросил Денис Андреевич.

Так. А вот это уже плохо. Потому что очень уж насмешливо прозвучал вопрос. Можно сказать – издевательски. Но

ничего – врагу не сдается наш гордый «Варяг»...

– Если хотите, я сразу перейду к самому деловому предложению.

– Да. Хотелось бы. Только очень коротко. У меня много работы.

– Да, да... В общем... Я специалист... То есть я психолог по персоналу... Я могу поработать с каждым вашим сотрудником относительно выработки модуля мотивации, разработать общую концепцию по преодолению ограничений...

– Не понял... – вскинул брови Денис Андреевич. – Каких ограничений?

– Ограничениями в менеджменте называют факторы, которые сдерживают потенциал и результаты деятельности коллектива. То есть, если говорить простым языком, – это просто «недоразвитые» способности. Многие, например, не умеют управлять собой, имеют размытые личностные ценности и смутные личные цели как тенденцию в остановке саморазвития. Я уж не говорю о недостатках навыка решать проблемы и отсутствие творческого подхода к порученному делу...

– Да понял, понял.

– Ну вот! А я могу...

– Так вы что, на работу ко мне проситесь?

– В общем... да... Я могу...

– Что ж, вынужден вас огорчить. У меня нет возможностей для вашего трудоустройства.

– Но вы же меня не дослушали!

– Простите, но у меня действительно нет времени вас слушать. Всего доброго. Приятно было познакомиться.

– Что ж, очень жаль. А может...

– Нет. Не может. И не смотрите на меня так, будто я на вас кулаком замахнулся. Думаю, я не первый и не последний, кто вам отказал. Просто время сейчас такое – кризисное. Не до жиру. А вы не отчаивайтесь! Такая интересная девушка всегда себе работу найдет.

– Спасибо...

– Да не за что. Кстати, в нашем здании еще несколько фирм сидит... Вы побродите, поспрашивайте, может, кто и заинтересуется вашими... ограничениями. Удачи вам!

Молодой начальник деловито придвинул к себе какую-то толстую папку, начал ее перелистывать озабоченно, и Кате ничего не оставалось, как тихо покинуть кабинет. С очередным плевком в душе. Да еще и секретарша-нимфетка глянула так сердито, будто она на ее место проситься приходила. Не сердись, милая! Если б ты знала, какая это доля тяжелая – себя предлагать. Чувствуешь себя немного проституткой...

Покинув прохладно-кофейную территорию негостеприимной приемной, Катя поднялась на второй этаж, огляделась. Ну и где эти несколько фирм, о которых намекнул Денис Андреич? Все двери закрыты наглухо, и никаких опознавательных табличек на них нет. Не стучаться же в каждую. О, а вон там, кажется, дверь открыта...

– Здравствуйте... – осторожно заглянула она внутрь, обнаружив за открытой дверью довольно уютное помещение с мягкими диванами и работающим в углу телевизором.

– Здравствуйте! – бодро откликнулись на ее приветствие двое симпатичных молодых мужчин, фривольно расположившихся на мягких диванах.

– Извините, а можно спросить...

– Спрашивайте!

Один из мужчин встал с места и, чуть склонившись корпусом вперед, немного театрально повел рукой в приглашающем жесте:

– Чего ж вы на пороге... Вы заходите, пожалуйста!

– Спасибо... Я просто хотела спросить... А у вас тут что? У вас тут фирма располагается, да?

– Конечно. Все именно так. Позвольте представиться – я генеральный директор, меня Гошей зовут. А это мой заместитель – Карен. А вас как зовут?

– А я Екатерина Русанова. Я специалист по менеджменту персонала, и у меня к вам деловое предложение. Скажите, вы довольны работой своего персонала? – оттрубила она на одном дыхании ставшее привычным вступление.

Прелюдию, как насмешливо назвал его Денис Андреевич.

Как-то слишком уж они странно переглянулись, директор и его заместитель. Ей даже показалось, с трудом смех сдержали.

– Да! Мы очень, очень довольны работой своего персона-

ла! И были бы счастливы, если б и вы согласились стать частью нашего персонала! Такая симпатичная особа, как вы, очень бы украсила наш персонал!

– Что, правда? – растерянно моргнув, недоверчиво улыбнулась Катя. – Вы... Вы действительно хотите, чтобы я... Но ведь я даже не объяснила, в чем суть моей деятельности...

– Да мы сами тебе все объясним, дарагая... – с очень кавказским акцентом вальяжно произнес тот, который Карен, демонстративно ее разглядывая. – Только, па-моему, тебе нужно немного пахудеть. Савсем чуть-чуть...

– Похудеть? Зачем?

– Как – зачем? Ты же на работу пришла, дарагая. А наши клиенты пиридпочитают персонал нимножка худенький, странное дело, да?

– То есть... Какие клиенты, не поняла? У вас что здесь за фирма вообще? Публичный дом, что ли?

– Ай, зачем обижаешь, дарагая...

– Тихо, Карен. Не пугай девушку, – торопливо вступил в разговор второй мужчина и, подойдя к Кате вплотную, довольно дружелюбно заглянул в глаза.

– А я и не боюсь. Чего мне вас бояться? – Катя попыталась улыбнуться насмешливо.

– Я понял, ты работу ищешь, да? Этим хочешь устроиться, как его... Фу, черт, забыл...

– Я специалист по менеджменту персонала. Хотя – это уже не важно... Простите, я пойду. Видимо, дверью ошиблась.

– Слушай... А может, ну ее, эту работу? Успеешь еще, навкальваешься в своем менеджменте за мизерную зарплату. Ты ж молодая, симпатичная, наверняка и одеться хочется, и покушать... Поработай у нас, встань на ноги, денежку подкوبي...

– Это что – проституткой, что ли?

– Ну, зачем так грубо! Проститутки на точках стоят, а нас тут девочки все приличные. Студентки в основном. И замужние дамы есть. А что – работа как работа, довольно хорошо оплачиваемая. Соглашайся, не пожалеешь. Заодно и в специальности попрактикуешься, мы тебе пару тренингов на мотивацию организуем.

– Хм-м-м! – растерянно протянула Катя, не разжимая поехавшего в скептической улыбке рта.

Очень уж ей хотелось рассмеяться по-настоящему, да не посмела. Нет, это только представить себе на минутку – как она проводит тренинг для проституток! На мотивацию! Надо будет вечером Соньке рассказать, вот тогда и посмеяться можно от души. А здесь – лучше не надо. Кто его знает, как эти сутенеры прореагируют. Она где-то читала про всякие их коварные жестокости. В общем, надо смываться отсюда как можно вежливее. С улыбкой и пожеланиями успехов в труде. И побыстрее, побыстрее...

Выйдя на улицу, Катя вздохнула тяжело и в то же время с большим облегчением – хватит с нее на сегодня. Остальные полдня объявляются свободными и радостными. Иначе

с ума сойти можно. Правда, по части радостей выбор был не велик – только прогулка и мороженое. Ну и что? Зато в проститутки не соблазнилась. Что ж, тоже хлеб. Почтем и это за радость – чувство самоуважения к себе, как к личности. Так, где же тут мороженое продают, надо оглядеться...

* * *

– Катька! Ну где ж ты шляешься, господи ты боже мой! – неожиданно обрушила на нее свое нетерпение Сонька, открыв дверь. – Я тебе звоню, звоню!

– Так у меня на мобильнике утром еще батарейка села...

– А подключить – слабо было?

– Зачем? Все равно у меня там денег нет. Да что случилось, Сонь? Ты прям вся нервная какая-то...

– Конечно, нервная! Алик после обеда звонил, сказал, к семи подъедет. А время – шесть! А тебя все нет и нет!

– А... Понятно. Я сейчас уйду, Сонь. Только это... Я голодная очень. Чаю попить успею?

– Да в том-то и дело, Кать, что... Ну, в общем, я тебя попросить хотела... Только дай слово, что не будешь выпендриваться и козью морду строить!

– О чем попросить, Сонь?

– Нет, ты сначала слово дай!

– Ну, даю...

– В общем... Ты должна, ты просто обязана меня выру-

чить! Тут такое дело... Алик-то не один будет. К нему какой-то мужик в командировку приехал, то ли проверяющий, то ли еще кто... Я толком не поняла. Ну и...

– И... что?

Предчувствуя недоброе, Катя отступила от Соньки на шаг, втянула голову в плечи и, как ей показалось, приняла оборонительную бойцовскую стойку, то есть сжала кулаки и слегка повернулась боком. Наверное, и на лице у нее в этот момент образовалась та самая «козья морда», которую она так опрометчиво пообещала «не строить». Ну да, пообещала! Откуда ж она знала, в чем заключается Сонькина просьба? Да если б знала...

– Ой, только вот этого не надо, Катька, умоляю тебя! – искательно, но и с некоторыми нотками раздражения в голосе произнесла Сонька. – Чего ты сразу напыжилась, будто я тебя на панель приглашаю? Я же просто выручить прошу, поддержать компанию...

– То есть переспать с товарищем твоего папика? Для пользы его дела? Чтобы командированный проверяющий доволен был?

– Ну, в общем, да... А что тут такого? Понимаешь, Кать, я же не могу Алику отказать... Так что считай, что ты меня выручаешь, а не его. А, Кать? Ну, всего один раз... Пожалуйста!

– Соньк! Да ты хоть понимаешь, о чем меня просишь?

– Ой-ой! А о чем таком я тебя прошу? Подумаешь, цел-

ка-недотрога! Честная девица! Или ты со своим Парамоновым того... Ни разу не согрешила?

– Сонь... Не надо сейчас про Парамонова, ладно? Я же тебя просила...

– Ладно, не буду. Тоже, нашла о ком страдать. Маменькин сынок недоделанный. Бросил тебя и правильно сделал. А то бы пришлось его проклятую инфантильность на своем горбу таскать. Всю жизнь. Оно тебе надо?

– Соня!

– Все, все, молчу... Не лезу в душевную рану грязными пальцами! Так значит, договорились?

– Нет!

– А вот это ты зря, подруга... Не заставляй меня пускать в ход тяжелую артиллерию. Я ведь тоже могу того... Обидеться могу... Так могу психануть, что вмиг с вещичками на вокзале окажешься. Будешь оттуда маме по телефону врать, что добрая тетя из общежития тебя до сентября пожить пустила! Один раз соврешь, потом другой, а потом и делать ничего не останется, как билетик купить да к маме в Макарьевск тащиться!

– В Егорьевск, Сонь.

– Да какая разница. Макарьевск, Егорьевск – одна хрень. Хочешь к маме, Кать?

– Нет!

– Тогда – договорились? Да? Это же всего один раз! А один раз – не считается! Договорились?

– Хорошо... До... Договорились...

Слова вытолкнулись из Кати так, будто она им не хозяйка была. Прозвучали жалостливо и картаво, будто язык онемел от ужаса, страха и презрения к самой себе. Да еще и холодный пот прошиб, и к горлу подступило что-то противное, мерзкое, шершавое. И колени задрожали – не упасть бы. А может, и впрямь, взять и упасть, и умереть тут, в Сонькиной прихожей. И пусть они тут плачут. Мама узнает – тоже заплачет, наверное. А Игорь Парамонов, интересно, заплачет? Нет, наверное. Он уже и думать про нее забыл. Женился и забыл. Хороший он был, Игорь. Добрый, веселый...

– Э! Э! Кать! С тобой все в порядке? – прозвучал где-то рядом тревожный Сонькин голос. – Не пугай меня! Ну чего ты, в самом деле! Очнись, Кать!

– Да ладно, Сонь. Все в порядке. Просто накатило на меня что-то. А так – что ж. Надо так надо. Я согласна, Сонь.

– Кать, ну не надо таким загробным голосом, а? И вообще... Ты не думай, что я... Я же все, все про тебя понимаю! Что честная ты, что порядочная, что тебе все это противно... Но ты меня тоже пойми! Ну где, где я сейчас для этого Аликова товарища подругу найду? Ему ж не абы как, ему порядочную подавай... Алик так и сказал – чтоб именно подругу! Один раз, Кать! И все! А один раз точно не считается. Говорят, все надо в жизни испытать хотя бы один раз.

– Ну да... А еще говорят – единожды солгав...

– Ой, да ну тебя! Зациклилась! Ты в какое время живешь?

Тоже мне, благородная девица голубых кровей! Можно подумать...

– Ладно, все! – провела дрожащими ладонями по влажным щекам Катя. – Хватит надо мной причитать. Сказала же – согласна!

– Ага, ага... – мелкой рысью затанцевала вокруг нее Сонька. – Тогда пойдем на кухню, надо же еду приготовить какую-то, стол успеть накрыть... Хотя нет! Иди-ка ты лучше в порядок себя приведи. И румян побольше на рожу плюхни, а то бледная такая, будто тебя к смертной казни только что приговорили. Не дрейфь, Катька, прорвемся! Чем черт не шутит, может, тебе еще и понравится...

– Ага. Непременно понравится, – растянула губы в жалкой ухмылке Катя. – Меня, кстати, сегодня на должность проститутки уже приглашали. Я еще подумала – приду домой, и мы с тобой вместе посмеемся...

– Катя! Я тебе честное слово даю! Один раз, и все! Ты мне веришь? Один раз!

Подойдя совсем близко, Сонька даже выставила для пущей верности палец, и Катя поневоле сосредоточила взгляд на хищном красном ногте, сведя глаза к переносице. И вяло мотнула головой – верю, мол.

Закрывшись в ванной, она неумело провела процедуру приведения себя в порядок, воспользовавшись богатым выбором Сонькиной косметики. И румян «плюхнула на рожу» достаточно, разметав их по скулам с мазохизмом отчаявше-

гося ангела перед первым падением. Потом, на шаг отойдя от зеркала, подмигнула своему презренному отражению – ну что, приличная девочка Катя Русанова? Готова к разврату? Интересно, какие у них, у падших ангелов, расценки за первый разврат? Как там у Островского? Не нашла любви, так буду искать золота? Хотя в ее случае правильнее будет звучать – не нашла работы...

Так. С лицом – порядок. Если можно назвать порядком то, что она на нем изобразила. Теперь надо поведенческий стереотип на помощь призвать, как давеча она призывала на помощь пронырливую трескотню. А может, и не надо ничего призывать. Сонька же сказала, что Аликову приятелю нужна девушка обыкновенная, порядочная. Наверное, надо самой собой быть. Хотя – как? Как можно быть самой собой в предлагаемых обстоятельствах? Да и вообще – есть ли она сама у себя как таковая?

Долгий требовательный звонок в дверь заставил ее вздрогнуть, и тут же Сонькина ладошка заколотилась в дверь ванной:

– Катька, выходи! Давай, давай шустрее!

– А что? Я готова! – открыла ей дверь Катя, картинно подбоченясь и улыбаясь ярко накрашенным ртом. – Похожа я на падшего ангела?

– О, боже... – невольно отступила Сонька, тараща на нее удивленные глаза. – Ну и намалевалась! А вообще, ты знаешь, тебе даже идет...

Звонок снова захлебнулся нетерпением, и Сонька опрометью бросилась открывать, успев на ходу глянуть на себя в зеркало. Резко вдохнув и выдохнув, Катя вышагнула из ванной в прихожую, фривольным жестом расправила плечи, подняла подбородок вверх. Все. Отступить некуда. Будь что будет.

Двое мужчин уже толклись в открытой двери, соревнуясь в вежливости, кто кого вперед пропускает. Веселые, уже немного пьяненькие. Толстый и тонкий, как у Чехова. Интересно, который из них... Неужели вот этот, тонкий, непримечательно лысенький, с аккуратным брюшком? Хотя нет, тонкий – это, скорее всего, и есть Алик. Вон как по-хозяйски обнял за плечи Соньку. Значит, все-таки толстый. А впрочем, какая ей теперь разница. Разницы-то никакой.

– Мальчики, познакомьтесь, это моя подруга Катя! – кокетливо выставила в ее сторону ладошку Сонька. – Хорошенькая, правда?

– Очень, очень хорошенькая! Катя, Катюша! – расплылся в пьяненькой улыбке Алик и вдруг запел, фальшиво паясничая и неуклюже размахивая объемным шуршащим пакетом: – Ра-а-сцвета-а-ли яблони и груши... – и тут же, обернувшись к сотоварищу, вдруг произнес гордо: – Смотри, Вахо, какие в нашем городе красивые девушки живут! Настоящие Катюши, видишь?

Катя дернула уголками губ, пытаясь улыбнуться под направленными на нее мужскими взглядами. Что ж, Вахо, зна-

чит. Интересно, кто он? Имя какое-то странное. Лицо кавказской национальности, что ли?

– Очень приятно, Катя. Меня зовут Вахо, – широко шагнул к ней товарищ Алика, намереваясь, видимо, галантно приложиться к ручке.

И действительно – ладонь ее тут же утонула в горячей и мягкой мужской ладони и даже была поднята вверх для поцелуя, но в следующую секунду вдруг повела себя совершенно не по правилам, то есть непроизвольно дернулась и вырвалась на волю, так и непоцелованная. Вахо поднял на Катю удивленные глаза – черные, размытые алкоголем и усталостью, пронизательные и слегка грустные, моргнул немного обиженно, но тут же и спрятал обиду за широкой улыбкой. Слишком широкой, чтобы быть искренней. Так, бывает, улыбаются большие начальники, когда интервью дают с экрана телевизора – все тридцать три зуба в камеру покажут, чтобы народ обаять. А Вахо, похоже, и есть этот самый большой начальник. Вон как Сонькин малахольный Алик перед ним подпрыгивает со своим нарочитым гостеприимным простодушием. И еще – почему-то сразу в глаза бросается, что Вахо от Алика сильно устал. И этот «поход по девочкам» ему на фиг не нужен. Да и возраст у него, уж простите, не юношеский – вон какая седина на висках заморозилась. Еще и не известно, как с «бесом в ребро» дела обстоят. А что? Может, он сейчас коньячку накатит, и все? И минует порядочную девушку судьба временной куртизанки?

Наверное, слишком уж искренней оказалась эта ее мысль-надежда, выброшенная ненароком в пространство. Хотя поначалу все шло вроде как безо всяких надежд. По Аликовому сценарию шло. Выпивка, еда, танцы, снова выпивка. И все время – горячая рука Вахо у нее то на плече, то на талии. А потом рука пьяно осмелела и под жаркое сопение кавалера на бедро переползла, и Катя застыла в немом омерзении, разбавленном довольной ухмылкой Алика. Под эту свою довольную ухмылку он и тост предложил за прекрасных дам, и неверной рукой щедро плеснул коньяку в мужские бокалы. А Вахо от избытка нарастающих эмоций еще дальше пошел – потребовал выпить стоя и до дна. И выпил. И только бес его в ребре знает, что дальше с ним произошло, потому что на диван он после тоста не сел, а рухнул, уронив голову Кате на плечо. Сонька с Аликом, переглянувшись, застыли в растерянном изумлении, а она сидела и дышать боялась – не потревожить бы пьяного кавалера ненароком, вдруг проснется...

Вахо не проснулся. Как ни возились с ним Алик с Сонькой, все равно не проснулся. Спал, крепко смежив отекшие веки и распутившись усталым багрово-смуглым немолодым лицом.

– Софочка, Катя, помогите мне – надо его в постель уложить, – заботливо вздохнув, скомандовал наконец Алик. – Я сейчас уеду, а он пусть до утра здесь останется.

– Зачем, Алик? – удивленно моргнула пьяненькими глаз-

ками Сонька.

– Я сказал – останется! – тихо, но довольно жестко повторил Алик и, взглянув на Катю, произнес уже мягче: – Мне с тобой надо поговорить, Катюша... Пойдем-ка на кухню.

Пожав плечами, Катя послушно отправилась за ним на кухню, оставив Соньку в крайнем недоумении.

– Вот что, Катюша... Я надеюсь, ты сообразительная девочка и постарайшься понять меня правильно, – проговорил он задумчиво и в то же время очень деловито. – Ведь стараешься?

– Ну хорошо... А что надо делать? – удивленно пожала она плечами.

– Да ничего такого, собственно. Просто утром, когда Вахо проснется, ты должна немножко... Как бы это сказать... Проявить уважение к моему товарищу.

– В смысле?

– А в смысле – подыграть. Ну представь себе картину – как он проснется, как ему неловко будет за свою мужскую несостоятельность. Согласись, это нехорошо даже по правилам гостеприимства. Понимаешь?

– Нет... То есть я не понимаю, что я должна...

– О господи, да ничего ты не должна! Ничего, кроме маленького коварства и маленькой хитрости! Надо просто всем своим видом, всем поведением намекнуть ему, какая была у вас бурная ночь и какой он ухарь-молодец оказался. Поняла? Не словами, а так... Жестами, полупонамеками...

– Вы думаете, он поверит?

– Если постараяшься, то поверит. Я сейчас его на кровать перетащу, а ты ляжешь с ним под одно одеяло.

– Голая?

Она уточнила это обстоятельство с таким тихим ужасом в голосе, что Алик посмотрел на нее довольно странно. И ответил немного раздраженно, хотя вроде как пошутил:

– Нет! Ты ляжешь с ним в шубе и валенках! И шапку не забудь надеть!

– Извините... Да, извините, я все поняла...

– Вот и хорошо, что поняла. И еще это... Фактуры, фактуры для верности побольше изобрази! Ну, косметику по лицу размажь, волосы взлохмать...

– Вы думаете, он поверит?

– Конечно, поверит! В таких случаях, девочка моя, мужика и обманывать особо не надо. Он сам обманываться рад. Ну так что, я надеюсь на тебя, Катюша? Мне, понимаешь ли, очень нужно, чтобы мой гость доволен был своим здешним досугом. Так что не подведи. Если он деньги утром тебе будет совать – тоже бери, не стесняйся. А то, я вижу, ты девушка скромная. И неопытная. И вообще – случайно оказалась в подобной ситуации. Ведь так?

– Ну... Как вам сказать... – неуверенно пожала плечами Катя, оглядываясь на дверь.

– Ладно, мне пора... – поднялся с кухонного стульчика Алик, избавив ее от необходимости объяснений. – Пойдем,

поможешь нашего гостя на постель перетащить...

Как только за Аликом закрылась дверь, на них с Сонькой тут же напала смешливая истерика. И чем залиvistее храпел Вахо, лежа на спине поперек кровати, тем больше душил дурацкий смех, прерываемый лишь короткими Сонькиными репликами:

– Ой, не могу... Фактуры, значит, побольше?

– Ага... Говорит, косметику по лицу размазать надо! – смеясь, вторила ей Катя, мотая головой из стороны в сторону.

– Ну вот! А ты боялась! Говорю же – не судьба тебе, Катька! Не судьба! Так и помрешь, видать, в шибко порядочных!

– И не говори! А я, дура, приготовилась!

– Ага, размечталась! Ой, не могу...

Смех смехом, конечно, но исполнила она все в точности, как просил Алик. Зачем человека подводить, раз обещала? Тщательно сотворив на голове и на лице постсексуальный сюрреализм, разделась, легла на краешек кровати, подтянув к себе кусок одеяла. Вахо всхрапнул посильнее, перевернулся на бок, зачмокал во сне губами, потом застонал, проговорил что-то на незнакомом гортанном наречии. Потом снова захрапел, выдыхая из себя запах перегара.

Заснуть ей удалось только под утро. И снился почему-то давешний несостоявшийся работодатель Денис Андреевич – все постукивал карандашиком по столу – тук-тук, тук-тук... А потом у него на столе телефон трезвонить начал. Так гром-

ко, так настойчиво! Трезвонит и трезвонит, никакого покою от него нет. Сколько уже можно? Придется просыпаться, иначе голова лопнет...

Открыв глаза, она подняла голову от подушки, огляделась, прислушалась. И обнаружила, что настойчивый звон происходит вовсе не из ее сна. Это ж дверной звонок надрывается. Вон Сонька пронеслась в прихожую тенью, на ходу запахивая халатик. Наверное, это Алик приехал – Вахо забрать... Чего же он так рано? Она и роли даже своей заказанной не сыграла, Вахо-то спит еще... Или... это не Алик? А кто тогда?

В следующую секунду ей показалось, что у нее начались слуховые галлюцинации. Она даже головой потрясла, чтобы избавиться от ужасного наваждения. Потому что это не могло быть ничем другим – только наваждением. Потому что из прихожей доносился голос мамы. Да, это именно ее нотки – строгие, приказные, безапелляционные, в которых тут же и утонули Сонькины удивленные восклицания. Да, точно, мамин голос... Откуда?! Этого просто быть не может, потому что этого в принципе быть не должно...

Морозец ужаса змейкой прополз по позвоночнику, парализуя все на своем пути. Подтянув одеяло к горлу, Катя перестала дышать, лишь рот сам по себе открывался и закрывался, да сердце трепыхалось в груди, не находя себе места. Откуда здесь, в Сонькиной квартире, вдруг мама взялась? А мамин голос в прихожей все нарастал, перекрывая собой

слабое Сонькино сопротивление, и вот уже ее громоздкая фигура в черном брючном костюме с ярким шарфом, намотанным удавкой вокруг мощной шеи, нарисовалась в проеме двери. Да, точно, мама. О боже, ужас какой. Значит, сейчас мама увидит свою дочь Катю в постели с мужчиной. Вернее, не дочь Катю, а все, что от нее на этот момент осталось. Вялое дрожащее ничтожество. Да еще и абсолютно голое.

– Господи, Екатерина! Что все это значит, можешь объяснить? Что ты здесь делаешь? И...кто это с тобой?

Оттолкнув копошащуюся под локтем Соньку, мама решительно прошагала через комнату, резким движением попыталась сдернуть с кровати одеяло. Но отдернулось оно странным образом только со стороны Вахо, накрыв Катю с головой. Потому, наверное, что пальцы у нее от страха на этом одеяле заклинило, когда она его к горлу подтягивала. Хорошо, что оно ее с головой накрыло. Можно какое-то время маме в лицо не смотреть.

– Кто это, Екатерина, я тебя спрашиваю?

Мамин голос из-под одеяла звучал намного глуше. А самое главное – можно было не отвечать. Как она из-под одеяла ответит?

– По... Позвольте... Что вы здесь делаете, женщина? Вы кто? – хрипло-испуганно вступил в этот странный односторонний диалог проснувшийся Вахо.

– Это я вас хочу спросить, что вы здесь делаете! – снова прогрохотал над головой мамин грозный голос. – Что вы сде-

лали с моей дочерью, старый извращенец? Что вообще здесь происходит, я хочу знать?

– Кто извращенец? Я – извращенец? Да я... Да вы... Вы кто вообще? Соня, что происходит? Кто эта женщина?

– Молчать, я сказала! Я сейчас полицию сюда вызову! Екатерина, вставай и одевайся немедленно! Мы едем подавать заявление! Ты у меня за изнасилование как миленький сядешь, извращенец старый!

– Ка... Какое изнасилование?

Лежа под одеялом, Катя почувствовала, как жалобно скрипнули пружины матраца под бедным Вахо. Наверное, стоило и впрямь его пожалеть – при других обстоятельствах. А в этих, уже сложившихся, духу на жалость уже не осталось. Самой бы живу остаться. Уж она-то свою гневливую маму знает. Наверняка стоит сейчас над бедным голым Вахо соляным столбом, уперев руки в боки, испепеляет орлиным взором.

– Он еще у меня спрашивать будет, какое изнасилование! А ты как думал, сволочь? Завлекли мою дочь в публичный дом, надругались, еще и удивляется!

– Ну, знаете! Вы вообще-то выражения подбирайте! – вступил в эту какофонию и Сонькин визгливый голосок.

– А чего мне их подбирать? Что я, сама не вижу? Девицы, бутылки на столе, голый мужик... Что это, если не публичный дом?

– А если даже и так, вам-то какое дело? Ворвались, коман-

дуете тут! Это моя квартира, я здесь хозяйка, понятно вам? – поднялось до самой высокой нотки Сонькино возмущение.

– Но это же моя дочь! Что она здесь делает?

– О господи... Да кому она нужна, ваша дочь! Можно подумать, она малолетка несовершеннолетняя, ни разу не трахнутая. Да и не было ничего, никто ее и пальцем не тронул...

– Ага! Так я вам и поверила! Лежит с мужиком в постели, и никто пальцем не тронул!

– Ой-ой, женщина... Давайте без полемики обойдемся, а? Я надеюсь, вы не собираетесь именно сейчас открывать дискуссию на эту тему? – парировала Сонька с нервным смешком в голосе. – Давайте забирайте свою невинную дочь и проваливайте! И не смейте оскорблять моего гостя! Он тут вообще не при делах, понятно?

– Где? Где моя одежда? – окончательно проснувшись, требовательно и властно вдруг возопил Вахо. – Принесите мне кто-нибудь мою одежду!

– Сейчас, Вахо, сейчас! – сменила тон со скандально насмешливого на почти лебезящий Сонька. – Простите, Вахо, я сейчас... Я Алику позвоню, он за вами приедет...

– Ах, тут еще и Алик есть? Вот и хорошо, пусть едет! Я сейчас в полицию... – никак не могла уняться мама.

Катя слышала через одеяло, как тяжело она справлялась с гневливым дыханием, даже фразу до конца проговорить не смогла.

– Да отстаньте вы со своей полицией, женщина, – вдруг

тихо, но довольно злобно произнесла Сонька. – Как вы понять не можете, что это не те люди, которых можно схватить за шкварник и потащить в полицию. Давайте, валите отсюда подобра-поздорову, пока сами в полиции не оказались. И чем быстрее, тем лучше. Мой вам совет.

– Одежду мне дайте наконец! – снова прорычал Вахо так, что Сонька лишь ойкнула испуганно и зашелестела полами халатика.

Наверное, за одеждой рванула.

Наверное, и мама что-то услышала в его начальственном рыке, для себя не очень хорошее. Катя почувствовала через одеяло, как ее ладонь жестко опустилась ей на живот, отчего его тут же свело неприятной судорогой.

– Ладно. Мне все понятно, – произнесла она устало и непривычно покладисто. – Вставай, Екатерина, собирайся. Домой поедем. Надо же... Вот уж не думала, что ты... Ладно, вставай. Внизу отец в машине ждет. Где твои вещи?

Что происходило дальше, Катя почти уже и не помнила. Образовалась в голове и в теле странная тупая вялость, как при высокой температуре. Когда видишь картинку, а смысл ее до тебя не доходит. Когда весь организм немеет и от всего кричащего и кругом происходящего равнодушием самосохраняется. Вот и она – равнодушно встала, равнодушно оделась. Под присмотром мамы начала собирать вещи в чемодан. Хорошо, Сонька догадалась Вахо на кухню увести. Хотя – какая теперь уж разница... Все равно теперь.

Потом они вместе с мамой с трудом застегивали молнию на чемодане. Молчали, пыхтели. Мама навалилась на него всем туловищем, и молния ничего, поддалась. Распрямившись и смахнув капельки пота с мокрого от стараний лица, мама с нарочитым грохотом покатила чемодан по дубовому ламинату. Зачем-то еще и в спину Катю подтолкнула, будто уничтожая попытку к сопротивлению. Опять же – молча.

Уже от двери Катя оглянулась, поймала взгляд выглянувшей из кухни Соньки – она там, по всей видимости, начальственного гостя кофе отпаивала. Никакого сожаления на Сонькином лице по поводу их бесславного расставания не было. Лишь взгляд поймал последний жест – Сонька выразительно покрутила пальцем у виска, мотнув подбородком в мамину спину.

В лифте ехали молча. Выйдя из подъезда, Катя сразу увидела отцовский голубенький «жигуленок». Отец открыл дверь, выскочил из машины, радостно заулыбался ей навстречу, но тут же и сник, почуввав по виду мамы недоброе, засуетился с чемоданом, укладывая его в багажник.

– Постой... А где твоя синяя куртка? – вдруг озадаченно спросила мама, прежде чем сесть рядом с отцом на переднее сиденье.

– Забыла – там, в шкафу, в прихожей... – вяло махнула рукой Катя. – Да бог с ней, с курткой, мам...

– Как это – бог с ней? Она, между прочим, денег стоит!

– Хорошо. Я сейчас принесу, – покорно развернулась в

сторону Сонькиного подъезда Катя.

– Нет! Садись в машину! Я сама принесу!

Проводив квадратную материнскую спину глазами, Катя плюхнулась на заднее сиденье, захлопнула дверь. Отец обернулся к ней озабоченно:

– А что произошло-то, Кать?

– Да ничего, пап. Ничего особенного не произошло. Ты лучше скажи – откуда вы здесь взялись?

– Так это... Мама тебе вчера звонила весь вечер, а ты никак трубку не брала. Она переволновалась, ночь не спала... А как только рассвело, она меня разбудила и говорит – ехать надо! Сердце, говорит, беду чувствует. Ну мы и приехали... А в общежитии твоём сказали, что ты давно съехала. Ну мы тогда в институт, в деканат, мама переполошила там всех... Начали твоим бывшим однокурсникам звонить, и девочка какая-то назвала этот адрес. Вроде того, что ты давно уже здесь обитаешь. Зачем ты врала-то, Кать? Мама ж переживает за тебя...

– Ладно, пап. Тихо, вон она уже идет. С моей синей курткой. Заводись, поехали.

Всю дорогу до Егорьевска ехали молча. Лишь один раз мама обернулась к ней, окатила недолгим взглядом. И непонятно было, чего в этом взгляде больше – презрения или озабоченности ее судьбой. А может, всего было поровну. По крайней мере, других компонентов уж точно не было.

– Ой, Катька... – протянула сестра Милка. – Привет... Тебя чего, мама домой притащила, что ли?

Потянувшись, Милка села на кровати, по-детски протерла глаза. У нее все жесты были немного детскими, хотя давно бы уж повзрослеть пора. Никак не тянула Милка на старшую сестру, даже выглядела как девочка-подросток. Вернее, как хулиган-подросток. Маленькая, невразумительно для своих двадцати восьми лет щупленькая, белобрысая, лицо в мелких конопушках. Но, надо сказать, конопушки ее совсем не портили. Наоборот, очаровывали. Только почему-то не находилось среди очарованных Милкиными конопушками особой мужского пола ни одного подходящего для серьезных отношений. По крайней мере, так мама всегда считала. Потому что всякие там рокеры и байкеры не в счет. Потому что в Милкины двадцать восемь давно уже пора обзавестись приличным мужем, домом и детьми и не позорить семью затянувшимся несерьезным девичеством.

– Привет, сеструха. Вставай, хватит дрыхнуть, – устало плюхнулась на стоящую у другой стенки кровать Катя. – Поговори хоть ты со мной, поддержи как-то. Иначе я реветь начну. Истекать слезами собственного ничтожества.

– А что случилось, Кать?

– Ой, лучше не спрашивай...

– Ну вот! А сама просишь – поговори!

– Да я в том смысле, что нормально поговори... Как человек с человеком...

– На посторонние темы, что ли?

– Ага. Давай на посторонние. Расскажи мне, какие у вас тут новости. Замуж не вышла?

– Ой, Кать, лучше не спрашивай! А то я тоже реветь начну. От ощущения, как ты говоришь, собственного ничтожества.

– А что случилось, Милк?

– Да наша правильная мамочка тут мне такое устроила... – чуть не расплакавшись, проговорила Милка. – Фу, даже вспоминать тошно! Ты даже не представляешь, как она... Что она...

Фыркнув, Милка резво соскочила с кровати и, прикусив губу, начала вдруг озираться, кружа по комнате. Потом, хлопнув себя по лбу, присела на корточки, выудила из-под прикроватного коврика сплюсненную пачку сигарет, воровато оглянулась на дверь, спросила шепотом:

– Ты не знаешь, она сейчас где? На кухне?

– Нет... По-моему, спать ушла.

– Кать, я тебя прошу... Постои у двери, а? Посторожи, а я в окно покурю.

– Ладно. Кури.

Прислонившись спиной к двери, Катя некоторое время молча наблюдала, как Милка делает первые жадные затяж-

ки, потом произнесла удивленно и грустно:

– Надо же, как это мама до сих пор тебя на куреве не поймала?

– Да уж... – обернулась от окна Милка. – Представляешь, как со стороны смешно смотрится – бабе двадцать восемь лет стукнуло, а она до сих пор от матери сигареты под коврики прячет.

– Да. Было бы смешно, если б не было так грустно. Ну скажи, почему у нас нет никакой способности к сопротивлению? Вообще – никакой?

– Хм... Я, что ли, должна тебе это объяснять? Ты же у нас теперь психолог с высшим образованием, вот и найди объяснения!

– Да какие там, на фиг, объяснения... – уныло махнула рукой Катя. – Если с детства только и делаешь, что боишься сделать что-нибудь не так...

– Ага. И прибавь к этому еще и тотальный контроль и слежку. Я даже сигареты в сумке носить не могу, потому что совершенно точно знаю, что она в моей сумке при каждом удобном случае втихаря шныряет. И в мобильнике тоже. Это при том, повторяю, что мне двадцать восемь лет! А со Стасом как вышло – это уж вообще ни в какие ворота... Я еще и загулять с ним толком не успела, а она уже все про него знала – кто родители, чем занимается, сколько денег зарабатывает... Вот скажи – откуда?

– Так, – заинтересовалась Катя. – С этого места поподроб-

нее. Что у нас за Стас? Вроде в прошлый мой приезд никакого Стаса на горизонте не наблюдалось.

– Еще бы! Конечно, не наблюдалось. Потому что я не спешила про него никому рассказывать. Зная нашу приткую мамочку...

– Что, тайная любовь, да? И кто он, этот Стас?

– Кто, кто! Парень мой, вот кто. Бойфренд. Вернее, я хотела, чтобы так было. А теперь он стараниями мамы – мой жених. На полном серьезе. Представляешь?

– Нет. Не представляю. А что, прямо и свадьба будет?

– Да, будет!

– Оп-па... – опешила Катя. – А я все думала-гадала, о каких таких новостях мне мама по телефону толкует...

– Ну вот теперь знаешь. Что, легче стало?

– А чего ты психуешь-то? Не любишь его, что ли?

– Да в том-то и дело, что не знаю я! Люблю, не люблю... Люблю, наверное! Не в этом дело. Понимаешь, мы просто хотели для начала вместе пожить... Проверить себя. Ну, как все сейчас делают. Снять квартиру и пожить... А мама... Она такой скандал закатила, я прямо вспоминать не могу! Она взяла и к родителям его приперлась, пугать их начала...

– Чем пугать? Ты вроде как совершеннолетняя, и даже более того!

– Вот именно – более того. А только у Стаса, понимаешь ли, родители магазинчик свой держат, и она им намекнула, что все гигиенические сертификаты через ее руки проходят.

Так что в случае чего... В общем, они после ее ухода родненького сыночка к стенке приперли. А неделю назад свататься приходили, честь по чести. Катька, я же со стыда чуть не умерла! Ну вот скажи – можно такое простить, а? Я что, убогая, чтобы меня таким образом замуж выдавать?

– Милк, а ты вообще, если честно, замуж за него хочешь?

– Да хочу, конечно, хочу... Но не таким же способом! Она ж не думает о том, что мне все это насильственное официальное замужество внапряг, ей вообще на мой напряг наплевать. Главное – цели достичь!

– Да уж... Признаки пассионария у нашей мамы явно присутствуют...

– Кого признаки присутствуют?

– Пассионария. Ну, это личность такая, очень харизматическая, с большими амбициями. Для нее главное – флаг благих намерений впереди себя выкинуть. Скрыть за павлиньими амбициями свою банальную сущность. И все это на уровне бессознательного, понимаешь?

– Ух ты! – с восхищением проговорила Милка. – Не зря, видать, ты в своем платном институте четыре года корячилась. Красиво говоришь, заслушаться можно. И про павлиньи амбиции, и про банальную сущность... Точнее про нашу мамочку и не скажешь! Я потом это словечки получше выучу, ты мне их на листочке запиши. Классная феня, мне понравилась. Теперь понятно, для чего она эту дурацкую свадьбу придумала, с фиалками на моей бедной голове. Раз она

этот, как его...

– Пассионарий.

– Во-во... В долги залезла, но решила и постановила, что непременно должна быть свадьба, с машинами, с лентами, со сборищем гостей. Образцово-показательная, чтобы семью не позорить. То бишь амбиции свои потешить. Нет, ты представляешь меня в белом платье с фиалками, а?

Вздыхнув, Катя посмотрела ни Милку с жалостью. И вдруг почувствовала, как шевельнулось внутри что-то вроде завистливого раздражения и зависти к сестре – впрямь, чего вдруг ее жалеть-то? Подумаешь, свадьбу ей решили сыграть! Катастрофа прижизненная! Вот у нее теперь – действительно катастрофа. Это ее по-настоящему жалеть надо, а не Милку. Нет, в самом деле, сестра называется – только и трещит о своих собственных обидах на маму! А с другой стороны – кому о них Милке еще и потрещать-то? Наверняка – некому. Потому что ей тоже – стыдно. Наверное, их сестринская дружба на этом обстоятельстве только и держится – чтобы обиды на маму друг перед другом обнажать. Как это бывает, например, в рабочих коллективах – все объединяются в едином порыве дружбы против деспота-начальника. Так и они с Милкой объединились в порыве нелюбви к собственной матери. Топчутся обе на этом жалком пяточке, свою долю жалости друг от друга требуют. Фу, каким это кощунством звучит...

– Да ладно, Милка. Плюнь и перетерпи, – подавив внезап-

но возникшее внутри раздражение, улыбнулась Катя сестре, – зато замужней будешь, вроде как из-под ее контроля сбежишь.

– Ага, сбежишь от нее! Будешь бежать – в спину расстреляет! А перед расстрелом объяснит, что она все только от большой материнской заботы делает. Забота о детях – долг чести каждой порядочной матери. Вырастить, обучить, замуж пристроить, потом пожизненно контролировать. А любить и уважать – необязательно. Главное – долг честной жены и хорошей матери соблюсти. Чтобы люди не осудили. Она и отца потому от себя не отпускает...

– Не поняла... Куда не отпускает?

– Ах, да ты же не в курсе... Папа-то наш втихаря себе любовницу завел! Интересно, как это ему удалось? Похоже, она уже и беременная.

– Что... – похолодела Катя. – Это правда?!

– А чего ты так перепугалась? Ну завел, и давно пора. Еще удивительно, как он столько лет нашу маму выдержал.

– Милка... Но это же... Этого же не может быть! Откуда ты это взяла?

– Откуда, откуда! От верблюда! Я сама ночью слышала, как он жалобно у матери просился – отпусти, мол, меня, Асенька, отпусти... По-моему, плакал даже.

– А мама что?

– Догадайся с трех раз!

– Она... не отпустила?

– А то! Гордо так ему заявила, что никаких меж ними сексуальных отношений отныне быть не может. Так и сказала – отныне. И что он сколько угодно может... Погоди, как это Мордюкова смешно говорила? Тайно посещать любовницу – во как! И что юридически их брак должен быть прозрачным для окружающих. Так и сказала, ей-богу, не вру, прозрачным для окружающих! Чтобы детей не позорить, то бишь нас с тобой. Так и будем теперь жить – неопозоренные.

Пульнув окурком в открытое окно, Милка приноровилась было тут же прикурить и вторую сигарету, но вдруг трепыхнулась, обернулась пугливо, наострив ушки.

– Ты слышала? По-моему, дверь в спальню скрипнула...

– Да нет, тебе показалось. Кури.

– Кать... Ты выйди, проверь, а? Представляешь, какой тут яростный концерт будет, если она меня застучает?

– Тогда не кури.

– Так не могу, я же нервничаю! Не каждый день замуж выхожу.

– А свадьба когда?

– Через две недели. Мама в ЗАГСе договорилась, чтобы не ждать. Испугалась, наверное, что Стас передумает. Очень уж ей хочется материнский долг в отношении старшей дочери поскорее исполнить! Кать, ну выйди, проверь, чего там...

Вздохнув, Катя тихо выскользнула в коридор, на цыпочках прошла до двери гостиной. Все-таки неудобная у них квартира – самая обыкновенная панельная трешка с кух-

ней-пеналом и среднего размера комнатенками, выстроенными рядком, как в общежитии коридорного типа. Гостиная, родительская спальня, детская. Да и обстановка вся замшелая какая-то. В гостиной – старая «стенка», диван с креслами выстроились вдоль стены в шеренгу, цветастый ковер на полу. В углу, в декоративной кадке, огромная искусственная пальма – чей-то подарок на чей-то юбилей. Мамин, кажется.

Подойдя к дивану, она провела рукой по его велюровой, когда-то ярко-голубой, а теперь будто тронутой сединой обивке, задумчиво присела в кресло. В глаза бросилась большая семейная фотография, зажатая меж стекол «стенки», – мама, папа, они с Милкой маленькие еще, с бантами на макушках. Все улыбаются напряженно в объектив, ждут, когда птичка вылетит. И отец тоже улыбается, а глаза все равно грустные. И очень пронзительные. Так улыбается человек, который должен улыбаться во что бы то ни стало и вопреки спрятанной в душе способности к сопротивлению. Интересно бы посмотреть, что там за любовница у него завелась...

От этой мысли стало совсем уж нехорошо. Нет, и впрямь, не надо, чтобы он уходил. Понятно, что ему тяжело жить с маминым характером, но все равно – не надо! Да и не впишется мама в роль отставной жены-брошенки. Такое и на минуту представить себе невозможно. И вообще – лучше не думать об этом...

Будто сбегая от пугающих мыслей, она быстро поднялась из кресла, подошла к окну, отдернула портьеру. Ого, а за

окном-то – дождь, что ли? Или ей кажется? Кусок улицы с «хрущевскими» промокшими пятиэтажками и булочной на углу тут же вплыл по-хозяйски в комнату, обволок ее пространство унылостью. Да, дождь. Как призрак. Они разные бывают, дожди. Бывают юные, короткие и веселые, бывают шумные и обстоятельные, а этот – сутулый брюзга-призрак. Дождь города Егорьевска. Даже прохожие идут без зонтиков, просто подняв воротники и втянув головы в плечи. Очень мало прохожих. Сегодня же суббота. Спят все. А завтра воскресенье. А потом понедельник. И в окне – только кусок улицы с пятиэтажкой и булочной на углу. Тоска...

Задернув портьеру, Катя повернулась, медленно побрела обратно в «детскую», как принято было называть в доме их с Милкой комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.